

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 211–239
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 211–39

Научная статья

УДК 324

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-5>

Евгений Алфеевич Марков,
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
marevgeny@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>

Evgenii A. Markov,
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
marevgeny@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>

Трансформации в политических предпочтениях избирателей (сравнительный анализ избирательных кампаний 2016 и 2021 гг.)

Аннотация. В предлагаемой статье автор, используя сравнительный метод, анализирует итоги выборов, состоявшихся в России в 2021 году, проводя параллели с итогами предыдущих избирательных кампаний на основе полученных партиями и отдельными кандидатами результатов. Цель подготовки предлагаемой статьи – оценка уровня политической активности избирателей разных регионов России и выявление изменений, которые произошли в настроениях различных общественных групп. В статье проанализированы особенности проведения избирательной кампании разными политическими силами, а также ход подготовки и проведения самих выборов, как на федеральном, так и на региональном уровнях. В заключение автором сделан вывод, что партии «Единая Россия», вновь получившей в обновленном составе Государственной Думы конституционное большинство, придется учесть реалии, которые высветила избирательная кампания. Но, самое главное, именно этой партии необходимо будет взять на себя ответственность за принятие таких законов, которые бы обеспечили социально-экономическое развитие страны как условие роста благосостояния населения.

Ключевые слова: выборы–21, выборы–16, Государственная Дума, «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия–За правду», «Новые люди»

Для цитирования: Марков Е.А. Трансформации в политических предпочтениях избирателей (сравнительный анализ избирательных кампаний 2016 и 2021 гг.) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 211–239, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-5>

Transformations in political preferences of voters (Comparative analysis of the 2016 and 2021 election campaigns)

Abstract. In the article offered to the readers, the author analyses the results of the 2021 Russian legislative elections, using a comparative method. The parallels with the results of previous election campaigns on the basis of the results obtained by both political parties and individual candidates are drawn. The purpose of the article is to evaluate the level of political activity of voters in different regions of Russia and to identify changes that have taken place in the moods of various social groups. The article analyses the peculiarities of the election campaigns organized by different political forces as well as the course of preparation and conduct of the elections themselves, both at the federal and regional levels. Finally, the author concludes that the United Russia political party (*Edinaya Rossiya*), which received a constitutional majority in the renewed State Duma again, will have to consider the realities highlighted by the election campaign. But most importantly, it is this party that will have to take responsibility for passing the laws that would ensure socio-economic development of the country as a condition of increasing the welfare of the population.

Keywords: 2021 election, 2016 election, State Duma, United Russia, CPRF, LDPR, A Just Russia – For Truth, New People

For citation: Markov, E.A. “Transformations in political preferences of voters (Comparative analysis of the 2016 and 2021 election campaigns).” *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 211–39, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-5>

Введение

Изучение поведения избирателей занимает важную часть массива политических исследований. Ученые из многих стран, изучая предпочтения граждан, принявших участие в ходе избирательных кампаний, пытаются выявить закономерности в их поведении, смену симпатий и приоритетов, которые, в конечном итоге, влияют на результаты выборов. Ведь, по большому счету, результаты, полученные разными политическими силами в ходе выборов, высвечивают те процессы, которые происходят в общественном сознании и, безусловно, оказывают свое воздействие на общественное развитие. Можно сослаться на мнение американского ученого Фреда Пальмера, еще в 1948 году заявившего, что «функция социологов – исследователей общественного мнения заключается в том, чтобы изучать, измерять, анализировать и взвешивать общественное мнение»¹. Конечно, если в ходе выборов отмечается высокий уровень активности избирателей, то этот факт говорит о том, что население поддерживает деятельность органов власти и

¹ *Королько В.Г.* Основы публик рилейшнз. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер. 2000. URL: <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rilejshnz.24.html> (дата обращения: 28.09.2021.). См.: Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948 // *Public Opinion Quarterly*. 1948. Vol. 12, № 4 (Winter 1948–1949). P. 788–840.

вновь продлевает им мандат доверия, если же избиратели демонстрируют низкий уровень активности, то это указывает на то, что население недовольно итогами деятельности и власть не оправдала доверия избирателей. Низкая явка на выборах может служить сигналом для власти, указывающим на то, что у населения накапливаются негативные настроения, что, в конечном итоге, может привести к возникновению социальных протестов. Низкий уровень поддержки населением усилий органов власти демонстрирует, что между обществом и властью нет взаимопонимания, власть не реагирует на общественные настроения, не занимается формированием общественного мнения. Власти нужно учитывать, что низкая электоральная активность граждан будет распространяться и на другие сферы общественной деятельности, и, в конечном итоге, может стать тормозом для социально-экономического развития региона или страны в целом.

Вот почему зарубежные и отечественные авторы предложили уже немало теорий, объясняющих поведение избирателей, относящихся к различным социальным группам, а, значит, имеющих разные интересы.

Краткий обзор теорий электорального поведения

Одним из первых исследователей, изучавших поведение избирателей еще на выборах президента США в 1948 году, был социолог П. Лазарсфельд, предложивший в итоге теорию экспрессивного поведения избирателей, которые, принадлежа к разным социальным группам, голосуют с учетом той системы ценностей, которая сложилась в данной группе. Полученные ученым результаты стали основой появления целого ряда исследовательских работ в русле так называемого «социологического подхода»². Социологи С.М. Липсет и С. Роккан предложили «генетическую» модель формирования политических систем в западных странах³. По мнению этих исследователей, существует четыре типа конфликтов, оказывающих свое воздействие на формирование политических предпочтений избирателей: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, буржуазией и наемными работниками. Эти конфликты определяют поддержку избирателями отдельных партий и кандидатов. На наш взгляд, данная теория может быть применена и к российским реалиям, поскольку «в российском обществе существуют расколы: между богатыми и бедными, представителями старшего поколения, сформировавшего свои взгляды в советское время, и последующего поколения,

² Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago: Chicago University Press, 1954.

³ Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments // Party systems and voter alignments: cross-national perspectives / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.

ориентирующегося на западные и рыночные ценности, между западниками и евразийцами, патриотами и либералами и т.д. В конце концов, общество может быть разделено также по религиозному и этническому признаку, что также актуально для многонациональной России»⁴.

Теории, разрабатывавшиеся на основе «социологического подхода», не позволяли с высокой точностью прогнозировать итоги выборов. И тогда на смену ему пришел так называемый «социально-психологический подход», который предложила группа американских ученых под руководством Э. Кэмпбелла. Исследователи пришли к выводу, что электоральное поведение формируется у отдельных избирателей на основе их партийных предпочтений. Эти предпочтения могут появляться уже в процессе ранней социализации, и тогда дети голосуют так же, как и их родители.

И все же «социально-психологический подход» не мог объяснить изменения в предпочтениях избирателей. И тогда ему на смену пришла так называемая «рационально-инструментальная концепция», предложенная американским ученым Э. Даунсом. Кратко суть этой теории состоит в следующем: «индивид выбирает ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем другая партия»⁵. Однако выводы ученого не были доказаны эмпирическими исследованиями. Положения теории Э. Даунса частично использовал еще один американский исследователь М. Фиорина⁶, который считал, что существует прямая связь между положением в экономике страны и результатами выборов⁷.

Идеи Мориса Фиорины частично нашли свое подтверждение в ходе проведения избирательных кампаний, но они так же не могли в полной мере объяснить поведение избирателей, выбор которых определяется сложным набором мотивов: к примеру, ожиданием будущих успехов в социально-экономическом развитии страны и надеждами на рост благосостояния граждан.

Нельзя не отметить в нашей статье и другие теории, посвященные проблематике электорального поведения. К примеру, авторы, придерживающиеся так называемого «коммуникационного подхода» (М. Макклюэн, Э. Фромм, М. Паренти и др.), считают, что большую роль в формировании предпочтений избирателей играют СМИ. Можно назвать также работы зарубежных ученых, которые используют количественные методы в

⁴ Марков Е.А. Динамические процессы в электоральном поведении избирателей г. Череповца на выборах 2011–2018 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 21.

⁵ Downs A. An economic theory of democracy. New York: Harper and Brothers, 1957. P. 36.

⁶ Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. New Haven: Yale University Press, 1981.

⁷ Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. P. 5.

исследовании поведения электората (О. Дэвис, К. Куинн, С. Мэррилл, М. Хинич).

Отечественные ученые подключились к проведению исследований электорального поведения в начале 90-х гг. XX века, когда в нашей стране стали проводиться выборы на конкурентной демократической основе. Одним из первых обратился к данной проблематике Г.В. Голосов, предпринявший попытку анализа поведения избирателей в России и оценивший возможность использования в своем анализе положений западных теорий⁸. Исследователи В.В. Лапкин и В.И. Пантин отметили ценностное размежевание и социально-политическую дифференциацию в российском обществе, что согласуется с социологической теорией⁹.

Значительный вклад в разработку теоретических подходов к изучению электорального поведения граждан в нашей стране внесли такие исследователи, как К.Ф. Завершинский¹⁰, Г.В. Пушкарева¹¹, А.И. Соловьев¹². В числе авторов, исследовавших механизмы формирования и изменения общественного мнения, необходимо выделить Л.Г. Бызова, Д.П. Гавру, М.К. Горшкова, М.Н. Руткевича, Д.А. Потайпеко, Р.А. Сафарова¹³.

Ряд российских ученых посвятили свои работы оценке роли СМИ/СМК во время проведения выборов: в их числе Н.В. Анохина, Н.Н. Богомолова, М.Э. Брандэс, Я.Н. Засурский, Е.Л. Варганова¹⁴.

⁸ Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4. С. 44–56.

⁹ Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. С. 54–63.

¹⁰ Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 19–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03>

¹¹ Пушкарева Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис. 2003. № 3. С. 120–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>

¹² Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

¹³ Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. Санкт-Петербург: ИСЭП, 1995; Горшков М.К. Общественное мнение. Москва: Политиздат, 1988; Руткевич М.Н. Социология, власть, общественное мнение // Социально-политический журнал. 1993. № 7. С. 5–16; Потайпеко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. Киев: Наукова думка, 1970; Сафаров Р.А. Общественное мнение и государственное управление. Москва: Юридическая литература, 1975.

¹⁴ Анохина Н.В., Брандэс М.Э. Роль СМК в избирательном процессе // Политическая наука. 2000. № 3: Выборы в посткоммунистических обществах: проблемно-тематический сборник. С. 137–151; Богомолова Н.Н. Массовая коммуникация и общение. Москва: Знание, 1988; Засурский Я.Н. и др. Система средств массовой информации России / под редакцией

В последние годы внимание целого ряда исследователей сфокусировано на проблематике влияния новых информационных технологий на общественные отношения. К примеру, немецкий ученый Уве Крюгер считает, что деятельность масс-медиа переживает структурные изменения и из массового потребления уходит в сферу потребления индивидуального¹⁵. Американская исследовательница Дж. Дин ввела в научный оборот понятие «коммуникативный капитализм», под которым она подразумевает формирующуюся в настоящее время такую экономико-политическую формацию, в которой происходит соединение демократии и капитализма с новыми сетевыми технологиями¹⁶.

Необходимо учитывать, что положения обозначенных нами теорий электорального поведения можно использовать лишь в качестве основы для анализа и подготовки прогнозных оценок во время проходящих выборов. Для анализа поведения российских избирателей, на наш взгляд, допустимо использовать положения социологического (расколы в обществе), социально-психологического (традиции поддержки определенных партий), инструментально-рационального (оценка избирателями собственного экономического положения и надежд на будущие успехи в экономике, заявляемые партиями) подходов. Однако при этом нужно учитывать особенности политического и социально-экономического развития России, которые пока еще не в полной мере осмыслены и разъяснены отечественными исследователями.

Основная часть

В течение трех дней, 17, 18 и 19 сентября 2021 г. в России проходили выборы депутатов Государственной Думы VIII созыва. В целом ряде субъектов РФ в этот день граждане также избирали депутатов региональных парламентов, глав субъектов, формировали местные представительные органы власти.

Главная новость выборов 2021 в Государственную Думу – появление в новом составе нижней палаты парламента Российской Федерации еще одной, пятой фракции, которую сформирует партия «Новые люди». Данный факт можно считать большим успехом для партии, которая была основана всего год назад по инициативе крупного бизнесмена, владельца компании Faberlic,

Я.Н. Засурского. Москва: Аспект Пресс: Издательство Московского университета, 2001; Средства массовой информации постсоветской России / под редакцией Я.Н. Засурского. Москва: Аспект пресс, 2002.

¹⁵ Krüger U. Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013.

¹⁶ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85–116.

Алексея Нечаева. Еще три политических партии будут представлены в ГД депутатами, выигравшими выборы в одномандатных округах. Таким образом, в Государственной Думе VIII созыва в общей сложности будут представлены 8 партий.

Коротко об итогах состоявшихся выборов в Государственную Думу: 1) самая крупная партия РФ – «Единая Россия». Она подтвердила свои устойчивые позиции, получив 49,83 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании, что дало ей в общей сложности 324 мандата (126 – по партийным спискам и 198 – от победителей в одномандатных округах). Это несколько меньше, чем в 2016 году (тогда у партии было 343 мандата: 140 мест в нижней палате парламента по партийным спискам и 203 – в одномандатных округах). Но руководство партии довольно этим результатом, ведь потери – незначительные и ЕР сохраняет в нижней палате парламента конституционное большинство; 2) в ходе этих выборов избиратели проявили более высокую активность, к урнам для голосования пришло 56,5 млн граждан, что составило 51,72 % от списочного состава избирателей. В 2016 году участие в выборах приняли 47,9 % избирателей (52,7 млн чел.); 3) значительно улучшила свой предыдущий результат партия КПрФ, набрав 18,94 % голосов избирателей, что на 5 с лишним процентов лучше, чем на выборах 2016 года. С учетом 9 мандатов, полученных в одномандатных округах, КПрФ займет в новом составе ГД 57 мест в сравнении с 42 по итогам выборов 2016 г.; 4) незначительно улучшила свой результат партия «Справедливая Россия – За правду» (СРЗП) (7,41 %), на прошлых выборах у нее было 6,22 %. Одержав победу в 8 одномандатных округах, партия СРЗП займет 27 кресел в зале для заседаний (в прошлом составе ГД у этой партии было 23 мандата); 5) значительно ослабила свои позиции партия ЛДПР, набрав 7,48 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании (2016 г. – 13,14 %). Всего лишь два представителя этой партии одержали победы в одномандатных округах. Общее количество мест у ЛДПР – 21 в сравнении с 39 на прошлых выборах; 6) новичок на выборах – партия «Новые люди» с 5,33 % голосов получает 13 мест в парламенте; а партии «Гражданская платформа», «Партия роста» и «Родина» получают 3 места. Еще 5 мест в Думе займут самовыдвиженцы; 7) в новом составе Думы будет вновь доминировать партия «Единая Россия», получившая конституционное большинство, что позволит ей принимать законы и даже вносить некоторые изменения в Конституцию РФ, используя лишь голоса своей партии и не считаясь с мнениями других фракций; 8) по словам председателя ЦИК РФ Эллы Памфиловой, ход подготовки и проведения голосования контролировали почти 500 тысяч наблюдателей и членов комиссий с правом совещательного голоса (это почти в 2 раза больше, чем на выборах 2016 г.). Кроме того, на избирательных участках работало 2 144 журналиста, в

том числе те, кто имеет статус иностранных агентов. По мнению Э. Памфиловой, эти данные подтверждают беспрецедентную открытость прошедших выборов¹⁷.

И все же нельзя не отметить, что состоявшиеся выборы высветили некоторые изменения в политических предпочтениях общества, на что мы и хотим обратить внимание. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть избирателей страны категорически не хотела голосовать за представителей «Единой России», помня хотя бы такое крайне непопулярное решение органов власти, как увеличение возраста выхода на пенсию. Безусловно, такие настроения в общественном сознании сказались на результатах.

Во-первых, партия «Единая Россия» все же потеряла 19 мест в ГД в сравнении с прошлым составом. Это может служить для руководства партии сигналом о том, что общество, несмотря на массированную рекламу партией в СМИ своих достижений и поддержку высшего руководства страны, отчасти разочаровано отсутствием реальных достижений во внутренней политике, главным из которых должен был стать рост благосостояния граждан. (Собственно говоря, единороссы сохранили свои позиции благодаря тому, что, во-первых, выборы проходили в течение 3 дней и это позволило мобилизовать симпатизирующий партии электорат; во-вторых, на результат голосования повлияла возможность для избирателей ряда регионов с наиболее многочисленным населением проголосовать в режиме онлайн. Судя по всему, избиратели, использовавшие электронный способ голосования, – вполне благополучные городские жители, обладающие относительно высоким уровнем образования и вполне приемлемыми доходами, которые вряд ли пошли бы на избирательные участки, экономя свое время).

Во-вторых, успех «Единой России» определен тем, что представители этой партии не сидели в кабинетах, а вышли в народ и сфокусировали свои обещания на решении местных проблем. (Обрести симпатии избирателей единороссам существенно помогла поддержка со стороны Президента РФ и Правительства, выступивших с инициативами, направленными на повышение уровня благосостояния различных групп населения (разовые выплаты всем пенсионерам, военнослужащим и другим представителям силовых структур, выплаты семьям на детей-школьников, решение о бесплатном подведении газовых сетей к приусадебным участкам граждан и т.д.). Данная тактика сработала, в результате избирателям страны понравился мотив стабильного

¹⁷ Элла Памфилова объявила предварительные результаты выборов депутатов Государственной Думы // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563/> (дата обращения: 22.09.2021).

развития. Таким образом, единороссы «сделали ставку на регионы и сфокусировались на местных проблемах. Одним словом, россияне голосовали «за стабильность и текущее положение вещей»¹⁸.

В-третьих, нельзя также не отметить и некоторые эффективные PR-находки, реализованные партией в ходе проведения кампании. К примеру, удачно подобранный состав первой пятерки из федерального партийного списка: Анна Кузнецова – многодетная мать и защитница прав детей в стране, Сергей Шойгу – олицетворение вооруженных сил, обеспечивающих обороноспособность государства, Сергей Лавров – популярный министр иностранных дел, отстаивающий позиции России в противостоянии со странами-противниками, Денис Проценко – врач, образ которого символизирует успешную борьбу российской медицины с пандемией коронавируса, и Елена Шмелева – олицетворяющая собою новые возможности для молодежи в России.

В стране существует целый ряд регионов, в которых избиратели привычно поддерживают партию власти: Чечня (96,13 %), Ингушетия (85,18 %), Дагестан (81,18 %), Татарстан (79,01 %) – республики с населением, исповедующим в большей части ислам, а также Тува (85,34 %), традиционно разделяющая идеи буддизма. Будучи приверженцами этих религий, население указанных республик традиционно демонстрирует высокий уровень законопослушания и неизменно оказывает поддержку единороссам. Вместе с тем, есть регионы, в которых ЕР уже на протяжении нескольких избирательных кампаний показывает низкие результаты: это Хабаровский край (24,5 %), Ненецкий АО (29,06 %), Республика Коми (29,44 %), Кировская область (29,5 %), Ярославская область (29,7 %).

Власти нельзя не обратить особое внимание на регионы с наиболее низкой явкой избирателей (которая, как упоминалось выше, свидетельствует о недовольстве населения итогами деятельности власти и накоплении негативных настроений): Санкт-Петербург (37,4 %), Хакасию (37,5 %), Иркутскую (36,6 %), Новосибирскую (37,74 %), Владимирскую (37,89 %) области. В этих регионах, к тому же, не было онлайн голосования, и такой результат еще раз подтверждает наш вывод о том, что электронное голосование позволяет не только увеличить активность избирателей, но даже изменить в ходе такого голосования соотношение политических сил.

Но «Единая Россия» одержала победу не во всех регионах страны. Население пяти регионов отдали предпочтение КППРФ. В Хабаровском крае ЕР (24,28 %) уступила коммунистам, показавшим результат 26,61 %. Население

¹⁸ Единое большинство. Чем удивили результаты выборов в регионах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html/> (дата обращения: 22.09.2021).

края уже несколько лет демонстрирует свою оппозиционность, которая усилилась после ареста бывшего губернатора (члена ЛДПР) Сергея Фургала. В качестве замены руководить краем был направлен еще один представитель ЛДПР, депутат ГД Михаил Дегтярев, которому удалось за год снизить накал протестов и завоевать авторитет у хабаровчан, что подтвердила его победа на выборах на должность губернатора, в которых он получил голоса 57 % избирателей при явке в 44 %.

«Единая Россия» проиграла также в Ненецком автономном округе (у КПРФ – 31,98 %, у ЕР – 29,06 %), Якутии (набрав 33,82 % голосов и уступив КПРФ, получившей 35,43 %), Республике Коми (у КПРФ – 29,95 %, а у ЕР – 28,43 %) и в Ульяновской области (КПРФ – 36,42 %, ЕР – 32,32 %). Но, надо сказать, что в этих регионах выборы для «Единой России» всегда были непростыми, а потому их результаты оказались вполне предсказуемы.

Как уже отмечалось, партия КПРФ улучшила свои позиции (18,94 %) в сравнении с результатами выборов 2016 года (13,34 %), а также – ее представители сумели одержать победу и в 9 одномандатных округах, что позволит КПРФ получить 57 мест в обновленном составе ГД. Коммунистам отдали свои голоса представители их традиционного электората, а также те избиратели, которые оппозиционно настроены по отношению к власти. КПРФ уловила этот тренд и активно использовала в своей агитационной кампании возможность критиковать деятельность органов власти и руководства страны. Избирателей не могло не привлечь обещание коммунистов отменить пенсионную реформу. В итоге – улучшение показателей и численное увеличение фракции.

Партия ЛДПР значительно ухудшила свои позиции в представительном органе власти, набрав почти в 2 раза меньше голосов (7,48 %), чем в 2016 году (13,14 %). Это можно объяснить тем, что политтехнологи партии не стали придумывать и использовать новые избирательные методики, остановившись на старой, проверенной временем – активном продвижении образа эпатажного лидера партии Владимира Жириновского, олицетворяющего, собственно, саму партию. При этом председатель ЛДПР не заикливается на признании ошибок и считает, что его время как руководителя фракции еще не закончилось. Вот его слова:

А как вы думаете, кто? (может возглавить фракцию. – Е. М.) Кто восемь раз привел партию сюда (в парламент. – Е. М.)? Мы же не можем поручить это человеку, который ни разу этого не делал¹⁹.

¹⁹ Единое большинство. Чем удивили результаты выборов в регионах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html/> (дата обращения: 22.09.2021).

Судя по всему, часть электората партии ЛДПР отобрала недавно созданная партия «Новые люди», сумевшая за короткое время завоевать симпатии определенной части российского электората и получившая на выборах 5,32 % активных избирателей, что позволило ей преодолеть необходимый барьер для попадания в Думу нового созыва. Данная партия, к удивлению экспертов, обошла по количеству голосов избирателей в г. Москве партии ЛДПР и «Справедливая Россия–За Правду», заняв в столице третье место. Успешно провела свою агитационную кампанию эта партия и в других регионах, став пятой по популярности при формировании региональных парламентов. Новая партия активно использовала свое присутствие в социальных сетях, а ее лидеры довольно успешно выступали и в ходе проводившихся дебатов в СМИ. По мнению аналитиков, успеху партии помогло удачное название – «Новые люди», которое совпало с существующим у части населения запросом на обновление политической элиты. Как отмечал в своих предвыборных выступлениях Алексей Нечаев, трибуна Думы позволит новой партии транслировать новые идеи и предлагать для обсуждения новые законодательные проекты.

В новом составе Государственной Думы будут теперь заседать представители пяти партийных фракций, а три партии, принимавшие участие в выборах, но не преодолевшие проходной барьер в 5 %, будут представлены в Думе только тремя одномандатниками. Это выдвиженцы от партий «Родина», «Партия Роста» и «Гражданская платформа». И, наконец, пять кресел в зале заседаний ГД займут самовыдвиженцы.

Ситуация в регионах. Наряду с выборами в Государственную Думу в 39 субъектах РФ проходили выборы в региональные представительные органы. Надо отметить, что несмотря на одержанные победы на выборах и этого уровня, «Единая Россия» ухудшила свои результаты в сравнении с региональными выборами 2016 года. Партия потеряла определенную часть мест в региональных парламентах в 30 регионах, расположенных в Приволжском федеральном округе, на Дальнем Востоке. Часть мандатов утрачена партией и в парламентах Северо-Западного федерального округа. Но при этом ЕР удалось повысить результат в таких регионах, как Еврейская АО, Адыгея, Астраханская область, Алтайский край, Подмосковье, в республиках Северного Кавказа.

На региональных выборах–2021 у ЛДПР ситуация сложилась значительно хуже: партия потеряла депутатские места в 35 из 39 региональных законодательных органов. Утраченные партиями ЕР и ЛДПР мандаты

достались в основном КПРФ, частично – «Справедливой России – За Правду» и «Новым людям»²⁰.

И все же состоявшиеся выборы не обошлись без обвинений представителей разных политических сил в попытках оказания политического давления на избирателей и подтасовке полученных результатов в отдельных округах и избирательных участках.

Многие кандидаты после завершения процедуры голосования «...обвинили власти в фальсификациях через онлайн-голосование, а по всей стране набралось всего несколько регионов, где победила не «Единая Россия». <...> Лидер КПРФ Геннадий Зюганов заявил, что произошедшее на выборах «недопустимо» и отметил, что до подсчёта голосов в электронном голосовании в Москве (в одномандатных округах. – Е. М.) лидировало шесть кандидатов-коммунистов, которые в итоге проиграли.

По данным Центризбиркома, на выборах в Государственную Думу по различным причинам были признаны недействительными 40 605 бюллетеней на 157 участках в 43 регионах. Аннулированы результаты голосования на 13 участках – в Крыму, Калмыкии и Санкт-Петербурге. Но, по мнению руководителя ЦИК Эллы Памфиловой, это ничтожный результат, который не может сказаться на обеспечении качества самих выборов и волеизъявления граждан. Элла Памфилова отметила также 12 фактов вброса бюллетеней в восьми регионах. Это произошло в Адыгее, Брянской, Ивановской, Кемеровской, Московской и Саратовской областях. Руководителей участковых избирательных комиссий (УИК) в Адыгее, Брянской и Кемеровской областях, где были выявлены случаи вброса, немедленно уволили, а в Ставропольском крае после допущенного нарушения на избирательном участке в Пятигорске освободили от должности главу территориальной избирательной комиссии (ТИК).

В Санкт-Петербурге за несколько дней до дня голосования разразился скандал по поводу появления «двойников» Бориса Вишневецкого – кандидата-одномандатника, представлявшего партию «Яблоко». В списке кандидатов округа появились еще двое кандидатов с фамилией Вишневецкий, похожих на представителя «Яблока» даже внешне. Скандал дошел до Центризбиркома и председатель комиссии Элла Памфилова предложила кандидатам –

²⁰ В каких регионах «Единая Россия» и ЛДПР уступили мандаты коммунистам? // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6> (дата обращения: 22.09.2021).

«двойникам» «собрать остатки совести и сняться с выборов»²¹. И, тем не менее, жалоба самого Вишневого на «политическое мошенничество» избиркомом была отклонена.

Кроме того, глава ЦИК Элла Памфилова пожаловалась на «беспрецедентные» кибератаки, фиксировавшиеся во время проведения голосования²², источники которых находились в США, Германии, Северной Корее, России, Китае, Украине. Но все эти попытки были успешно отражены и на ход и результаты голосования они не повлияли.

В комментарии МВД РФ по поводу состоявшихся выборов было заявлено, что нарушений, которые могли бы повлиять на результаты голосования, не выявлено²³.

Заключение

Прошедшие выборы позволяют сделать вывод о том, что политическая система Российской Федерации показывает стабильность и устойчивость. Результаты выборов в основном подтвердили существующий расклад политических сил в стране, несмотря на появление в нижней палате парламента фракции новой партии.

В Государственной Думе VIII созыва конституционное большинство вновь имеется у партии «Единая Россия», которая сохранила свои позиции в качестве партии доминирующего типа. Это означает, что в парламенте вновь не будет реальной оппозиции, а, следовательно, деятельность нижней палаты парламента будет вполне предсказуемой: она будет принимать все законы, которые будут направляться в ГД Президентом и правительством, даже не обсуждая их во время проведения пленарных заседаний. Но ведь рассмотрение проектов законодательных актов с возможностью их обсуждения – это все же один из способов поиска консенсуса между политическими партиями, представленными в ГД, и пренебрежение данной возможностью, принимая во внимание результаты выборов–2021, может отрицательно сказаться на репутации доминирующей партии.

Состоявшиеся выборы высветили некоторые изменения в общей палитре политических настроений в обществе. Во-первых, партия «Единая Россия», сохранив конституционное большинство, все же потеряла 19 мест в парламенте в сравнении с результатами выборов 2016 года. Но итоги голосования для

²¹ Если есть остатки совести: Памфилова предложила кандидатам-двойникам Вишневого сняться с выборов // Росбалт. 2021. 06 сентября. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html> (дата обращения 22.09.2021)

²² Результаты выборов 2021. Главные цифры // Коммерсант. 2021. 20 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (дата обращения: 22.09.2021)

²³ Там же.

данной партии могли быть еще хуже, если бы ЕР не провела очень эффективную избирательную кампанию, задействовав все свои ресурсы и используя новые избирательные технологии. Тревожным сигналом для партии власти должна стать частичная потеря мест в региональных парламентах, проигрыш другим партиям в пяти регионах страны. Ей придется учитывать и позиции КПРФ, усиленные голосами протестного электората.

Выборы закончились. Теперь все партии, получившие представительство в ГД, должны начать выполнять обещания, данные в ходе избирательной кампании. На партию «Единая Россия» в этом смысле ложится главная ответственность: за принятие таких законов, которые бы обеспечили социально-экономическое развитие страны и, соответственно, рост благосостояния населения.

Introduction

The study of voting behavior is one of the most important directions of political research. Studying the preferences of citizens who took part in election campaigns, researchers from many countries are trying to identify certain patterns in their behavior and changes in sympathies and priorities that ultimately affect the results of elections. After all, the results obtained by different political forces during elections highlight the processes that take place in the public consciousness and, of course, have their impact on social development. One can refer to the opinion of Fred Palmer, an American scholar, who stated back in 1948 that the function of sociologists, public opinion researchers, “involves measurement and analysis of opinion.”¹ Of course, if a high level of voter engagement and voter turnout is observed during the elections, this fact indicates that the population supports the activities of the authorities and renews their mandate of trust. At the same time, if voters show a low level of engagement, it indicates that the population is not satisfied with the results of most activities and the authorities have not justified the trust of

¹ V.G. Korol'ko, *Basics of public relations* [in Russian] (Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler, 2000), accessed September 28, 2021, <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rilejshnz.24.html>. See “Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948,” *Public Opinion Quarterly*, vol. 12, no. 4 (Winter 1948–49): 788–840.

their electorate. Low turnout at elections can serve as a signal to the authorities, indicating that the population accumulates negative moods, which may further eventually lead to social protests. Thus, a low level of public support for the efforts of the authorities demonstrates that there is no mutual understanding between the public and the authorities and that the authorities neither respond to public sentiments nor engage in the formation of public opinion. In this case the authorities need to take into account that low voter engagement of citizens will eventually spread to other spheres of public activity, and in the end it can become a brake on the socio-economic development of the region or the country as a whole.

That is why both foreign and Russian researchers have already proposed many theories explaining the behavior of voters belonging to different social groups and, therefore, having different interests.

Brief review of voting behavior theories

Sociologist Paul Lazarsfeld was one of the first researchers to study voting behavior as early as after the 1948 United States presidential election. Lazarsfeld eventually proposed the theory of expressive behavior of voters who belong to different social groups and vote considering the system of values which was formed in the given group. The results obtained by the scholar became the basis for a number of scientific publications in the framework of the so-called sociological approach.² The sociologists Seymour Martin Lipset and Stein Rokkan, in their turn, proposed a genetic model of formation of political systems in Western countries.³ According to these researchers, there are four different types of conflicts that have an impact on the formation of political preferences of voters. Those are the conflicts between (1) center and periphery, (2) state and church, (3) city and village, and (4) bourgeoisie and wage workers. These conflicts determine voters' support for individual political parties and candidates. In our view, this theory can also be applied to political realities in Russia, since "in Russian society there are also certain splits: between the rich and the poor; between representatives of the older generation who formed their views in the Soviet era and the following generations oriented towards Western and market values; between Westerners and Eurasians; between patriots and liberals, etc.

² B. Berelson, P. Lazarsfeld, and W. McPhee, *Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign* (Chicago: Chicago University Press, 1954).

³ S.M. Lipset and S. Rokkan, "Cleavage structures, party systems and voter alignments," in *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*, ed. S.M. Lipset and S. Rokkan (New York: Free Press, 1967), 1–64.

After all, society may also be divided along religious and ethnic lines, which is also relevant for multinational Russia.”⁴

However, the theories developed on the basis of the sociological approach did not allow the outcome of elections to be predicted with high enough accuracy. Therefore, this approach was replaced by another one. The so-called socio-psychological approach was proposed by a group of American scholars headed by E. Campbell. They came to the conclusion that electoral behavior is formed by individual voters on the basis of their party preferences. These preferences may emerge during early socialization, and then children later vote in the same way as their parents did.

Yet the socio-psychological approach could not explain changes in voters' preferences. It was then replaced by the so-called rational-instrumental concept, or rational choice theory, proposed by the American scientist Anthony Downs. In a few words, the principle of this theory is that an individual chooses the party that he believes will provide him with more benefits than the other party.⁵ However, the scientist's conclusions were not proven by any empirical research. Another American researcher, Morris Fiorina, used certain aspects of Anthony Downs' theory to some extent.⁶ He believed that there was a direct link between the current economic situation and election results.⁷

Morris Fiorina's ideas were partly confirmed in the electoral campaigns, but they also could not fully explain the behavior of voters, whose choices were determined by a complex set of motives. Among such motives are expectations of future successes in the socio-economic development of the country and hopes for the growth of the citizens' welfare.

It would be unreasonable not to mention in our article other theories devoted to the problems of electoral behavior. For example, the authors supporting the so-called communicative approach (M. McLuhan, E. Fromm, M. Parenti, et al.) considered the media to play an important role in shaping the voters' preferences. One can also name the works of foreign scientists who apply quantitative methods in the study of electorate behavior (O. Davies, K. Quinn, S. Merrill, M. Hinich).

Russian scholars turned their attention to the studies of electoral behavior in the 1990s when our country started to hold elections on a competitive democratic basis. G. Golosov was one of the first political scientists to address this issue. He tried to analyze the behavior of voters in Russia and assessed the possibility of using the

⁴ E.A. Markov, “Dynamic processes in the electoral behavior of Cherepovets's voters in the elections in 2011–2018” [in Russian], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 11 (76) (2019): 21.

⁵ A. Downs, *An economic theory of democracy* (New York: Harper and Brothers, 1957), 36.

⁶ M. Fiorina, *Retrospective voting in American national elections* (New Haven: Yale University Press, 1981).

⁷ Fiorina, *Retrospective voting in American national elections*, 5.

principles of Western theories in his analysis.⁸ Researchers V. Lapkin and V. Pantin noted certain value disparities and socio-political differentiation in Russian society, which is consistent with sociological theory.⁹

Such researchers as K. Zavershinskii,¹⁰ G. Pushkareva,¹¹ and A. Solov'ev¹² made a significant contribution to the development of theoretical approaches to the study of electoral behavior of the Russian citizens. Among the authors who studied mechanisms of formation and change of public opinion, it is necessary to point out L. Byzov, D. Gavra, M. Gorshkov, M. Rutkevich, D. Potaipeko, and R. Safarov.¹³

A number of Russian scientists devoted their work to assessing the role of mass media/mass communication during elections. Among them are N. Anokhina, N. Bogomolova, M. Brandes, Y. Zasurskii, and E. Vartanova.¹⁴

In recent years, a number of researchers focused their attention on the impact of new information technologies on social relations. For example, Uwe Krüger, a scientist from Germany, believes that mass media activities are undergoing a structural change and are moving away from mass consumption into the sphere of individual consumption.¹⁵ The US researcher Jodi Dean introduced the concept of communicative capitalism, by which she means the currently emerging economic and

⁸ G.V. Golosov, "Voting behavior in Russia: theoretical perspectives and results of regional elections" [in Russian], *Polis*, no. 4 (1997): 44–56.

⁹ V.V. Lapkin and V.I. Pantin, "Value disparities and socio-political differentiation in contemporary Russia" [in Russian], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (2000), 54–63.

¹⁰ K.F. Zavershinskii, "Cognitive foundations of political culture: an experience of methodological reflection" [in Russian], *Polis*, no. 3 (2002): 19–30, <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03>.

¹¹ G.V. Pushkareva, "Study of electoral behavior: the contours of the cognitive model" [in Russian], *Polis*, no. 3 (2003): 120–30, <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>.

¹² A.I. Solov'ev, "Political communication: on the problem of theoretical identification" [in Russian], *Polis*, no. 3 (2002): 5–18, <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>.

¹³ D.P. Gavra, *Public opinion as a sociological category and social institute* [in Russian] (St Petersburg: ISEP, 1995); M.K. Gorshkov, *Public opinion* [in Russian] (Moscow: Politizdat, 1988); M.N. Rutkevich, "Sociology, power, public opinion" [in Russian], *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, no. 7 (1993): 5–16; D.A. Potaipeko, *Legal consciousness as a special public phenomenon* [in Russian] (Kiev: Naukova dumka, 1970); R.A. Safarov, *Public opinion and public administration* [in Russian] (Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975).

¹⁴ N.V. Anokhina and M.E. Brandes, "The role of mass media in the electoral process" [in Russian], *Politicheskaya nauka*, no. 3 *Elections in post-communist societies: a thematic collection* (2000): 137–51; N.N. Bogomolova, *Mass communication and interaction* [in Russian] (Moscow: Znanie, 1988); Ya.N. Zasurskii, ed., *The system of Russia's mass media* [in Russian] (Moscow: Aspect Press: Izsatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 2001); *Mass Media of Post-Soviet Russia* [in Russian], ed. Y.N. Zasurskii (Moscow: Aspect Press, 2002).

¹⁵ U. Krüger, *Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse* (Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013).

political formation in which democracy and capitalism are combined with new network technologies.¹⁶

It should also be taken into account that the principles of the theories of electoral behavior outlined by us in this article can be used only as a certain basis for analysis and preparation of forecast assessments during the ongoing elections. In our opinion, in order to analyze the behavior of Russian voters, it is acceptable to use the principles of sociological approach (certain splits in society), socio-psychological approach (traditions of support for certain parties), and rational-instrumental approach (voters' assessment of their own economic situation and hopes for future economic development promised by political parties). However, the specifics of Russia's political and socio-economic development, which have not yet been fully comprehended and explained by any of Russian researchers, should be taken into account.

Main Body

Over three days, between 17 and 19 September 2021, elections to the 8th State Duma were held in Russia. In a number of Russian regions, citizens also elected members of regional parliaments, heads of their regions, and formed local representative authorities on that day.

The revelation of the 2021 election to the State Duma was the emergence of the fifth faction in the new lower house of the Russian parliament, which was to be formed by the New People party (*Novye lyudi*). This fact may be seen as a big success for the party, which was founded just a year ago on the initiative of Aleksei Nechaev, a successful businessman and owner of the Faberlic company. Three other political parties will be represented in the State Duma by the deputies who won elections in single-mandate constituencies. Thus, a total of eight parties will be represented in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the 8th convocation.

Here is a brief summary of the results of the elections to the State Duma. (1) The largest party is the United Russia party. It confirmed its stable position, winning 49.83% of the total votes, which gave it a total of 324 mandates (126 from party lists and 198 from winners in single-mandate constituencies). This is slightly less than in 2016 (the party had 343 mandates then: 140 seats in the lower house of parliament from party lists and 203 from single-mandate constituencies). However, the party leadership is happy with this result because the losses are insignificant and the United Russia party still retains a constitutional majority in the lower house of parliament. (2) Voters were more active in these elections, with 56.5 million citizens who decided

¹⁶ J. Dean, "Communism or Neo-Feudalism?" [in Russian], *Logos*, vol. 29, no. 6 (2019): 85–116.

to cast their vote, representing 51.72% of the electorate. In 2016, 47.9% of voters (52.7 million people) took part in the legislative elections. (3) The Communist Party of the Russian Federation (hereinafter the CPRF) significantly improved its previous result, gaining 18.94% of the total votes, which is more than 5% better than in the 2016 election. With nine seats in single-mandate constituencies, the Communist Party will have 57 seats in the new Duma, compared with only 42 seats received in the 2016 election. (4) A Just Russia – For Truth party improved slightly (7.41%) compared to 6.22% in the previous election. By winning in eight single-mandate constituencies, this party will occupy 27 seats in the State Duma (the party had 23 mandates in the State Duma of previous convocation). (5) The Liberal Democratic Party of Russia (hereinafter the LDPR) significantly weakened its position, winning 7.48% of the total votes (with 13.14% in 2016). Only two representatives of this party won in single-mandate constituencies. The LDPR received a total of 21 seats, compared with 39 in the last election. (6) The New People party got 13 seats in the Duma with 5.33% of the total votes; and, finally, the Civic Platform party (*Grazdanskaya platforma*), the Party of Growth (*Partiya Rosta*) and the Rodina party got three seats. Another five seats in the State Duma were received by non-partisan candidates. (7) The new Duma will again be dominated by the United Russia party, which will have a constitutional majority, allowing it to adopt laws and even make some amendments to the Constitution of the Russian Federation, using only its party's votes and not taking into account the opinions of other factions. (7) According to Ella Pamfilova, the Chairperson of the Central Election Commission of the Russian Federation, both preparation and conduct of the 2021 election were controlled by almost 500 thousand observers and commission members with an advisory vote (almost twice more than during the 2016 election). In addition, 2 144 journalists, including those with the status of foreign agents, worked at the polling stations. According to Pamfilova, this data confirms the unprecedented openness of the 2021 election.¹⁷

However, it should also be noted that the 2016 election highlighted some changes in the political preferences of society. This is what we want to specially indicate. It is noteworthy that remembering such an extremely unpopular decision of the authorities as an increase in the minimum retirement age, a significant proportion of the voters were categorically unwilling to vote for the representatives of the United Russia party. Such sentiments in the public mind undoubtedly had an impact on the election results.

¹⁷ “Ella Pamfilova announced the preliminary results of the elections to the State Duma” [in Russian], Central Election Commission of the Russian Federation, accessed September 22, 2021, <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563>

Firstly, the United Russia party did lose 19 seats in the new State Duma compared to its previous convocation. This may serve as a signal to the party leadership that the public is partly disappointed by the lack of real achievements in domestic policy. This is despite the massive advertising of the party's achievements in the media and the ongoing support of the country's top leadership. Undoubtedly the main achievement should have been the growth of the well-being of Russian citizens. (As a matter of fact, the United Russia party retained its position because, firstly, the elections were held over three days, which made it possible to mobilize the party's sympathetic electorate; secondly, the voting results were influenced by the possibility for voters in some of the regions with the largest populations to vote online. It appears that all voters who used the electronic voting method, also called e-voting, were well-to-do urban residents with relatively high level of education and quite reasonable incomes who would be unlikely to physically go to any polling stations in order to avoid waste of their time).

Secondly, the success of the United Russia party is determined by the fact that its representatives did not sit in their offices but went out to the people and focused their promises on solving local problems. (The electorate's sympathy for the United Russia party was greatly facilitated by the support of the Russian President and the government who came up with initiatives aimed at improving the well-being of various groups of the population (one-time payments to all pensioners, military personnel, and other representatives of the power structures; payments to families having schoolchildren; the decision to bring gas networks to household plots of citizens free of charge, etc.). This tactic worked; as a result, Russian voters liked the idea of stable development. Thus, the United Russia party "focused on the regions and on local problems. In short, Russians voted for stability and the status quo."¹⁸

Thirdly, it is also worth mentioning some of the remarkable PR initiatives of the party during the election campaign. For instance, the well-chosen composition of the top five candidates from the federal party lists. The lists included Anna Kuznetsova, a mother of many children and an advocate of children's rights in Russia; Sergei Shoigu, a personification of the armed forces that ensure the state's defense capacity; Sergei Lavrov, a popular foreign minister who defends Russia's position in confrontation with opposing countries; Denis Protsenko, a doctor whose image symbolizes the successful fight of Russian medicine against the coronavirus pandemic; Elena Shmeleva, a personification of new opportunities for Russian youth.

The country includes a number of regions where voters are used to supporting the ruling party. These regions are Chechnya (96.13%), Ingushetia (85.18%), Dagestan

¹⁸ "Unanimous majority. What was surprising about the results of the elections in the regions" [in Russian], *RIA Novosti*, accessed September 22, 2021, <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html>

(81.18%), and Tatarstan (79.01%), the republics with predominantly Muslim population, and also Tuva (85.34%), traditionally a Buddhist region. As adherents of these religions, the populations of these republics have traditionally shown a high level of law-abiding behavior and have always supported the United Russia party. At the same time, there are regions where the United Russia party has been showing rather poor results in several election campaigns: Khabarovsk Krai (24.5%), Nenets Autonomous Okrug (29.06%), Komi Republic (29.44%), Kirov Oblast (29.5%), and Yaroslavl Oblast (29.7%).

The authorities cannot but pay special attention to the regions with the lowest voter turnout (which, as mentioned above, indicates dissatisfaction with the achievements of the authorities and the accumulation of negative moods). These regions are St. Petersburg (37.4%), Khakassia (37.5%), Irkutsk Oblast (36.6%), Novosibirsk Oblast (37.74%), and Vladimir Oblast (37.89%). Moreover, there was no online voting in these regions, which only confirms our conclusion that electronic voting not only increases voter participation, but even changes the balance of political power.

The United Russia party did not win in every region of the country. People in five regions favored the CPRF. In Khabarovsk Krai, the United Russia party (24.28%) lost to the Communists (26.61%). The population of Khabarovsk Krai has been demonstrating its oppositionist moods for several years. The situation escalated even more after the arrest of Sergei Furgal, the krai's former governor (a member of the LDPR). Another LDPR representative, Mikhail Degtyarev, a State Duma deputy, was appointed as a replacement to lead the region. Within a year he managed to reduce the intensity of protests in the region and gained credibility with Khabarovsk residents, as confirmed by his victory in the gubernatorial elections, in which he received 57% of the total votes with a voter turnout of 44%.

The United Russia party also lost in Nenets Autonomous Okrug (the United Russia party, 29.06%; the CPRF, 31.98%); in Yakutia (the United Russia party, 33.82%; the CPRF, 35.43%); in the Komi Republic (the United Russia party, 28.43%; the CPRF, 29.95%); in Ulyanovsk Oblast (the United Russia party, 32.32%; the CPRF, 36.42%). It must be said, however, that election in these regions has always been difficult for the United Russia party, and therefore these results were quite predictable.

As already noted, the Communist Party of the Russian Federation improved its position (18.94%) compared with the results of the 2016 election (13.34%). Its representatives also managed to win in nine single-mandate constituencies, which allowed the CPRF to win 57 seats in the renewed State Duma of the 8th convocation. The Communists received the votes of their traditional electorate and of those voters who were simply in opposition to the government. The CPRF caught this trend and actively used the opportunity to criticize the activities of the authorities and the

country's leadership in its election campaign. Voters could not help being attracted by the Communists' promise to abolish the recent pension reform. The result was the improved final figures after the 2021 election and more people in the faction.

The Liberal Democratic Party of Russia significantly worsened its position in the representative body of state power, gaining almost half as many votes (7.48%) as in 2016 (13.14%). This can be explained by the fact that the party's political technologists did not invent and use any new electoral methods, sticking to the old, time-tested tools. The LDPR continued its active promotion of the image of the party's flamboyant leader Vladimir Zhirinovskiy, who is the embodiment of the party itself. At the same time, the LDPR leader does not get preoccupied with admitting any of his past mistakes and believes that his time as leader of the faction is not over yet. Here are his words:

And who do you think [may lead the faction. – E. M.]? Who has brought the party here? [To the parliament. – E. M.] Who has done it eight times? We cannot entrust this to a person who has never done this.¹⁹

Apparently, part of the LDPR electorate was taken away by the newly created New People party, which managed to win the sympathy of a certain part of the Russian electorate in a short time and received 5.32% in the election. This result enabled it to overcome the necessary threshold to get into the new State Duma. The party surprisingly overtook the LDPR and A Just Russia – For Truth party in the number of votes in Moscow and came in third place in the capital. The party also successfully campaigned in other regions, becoming the fifth most popular party during the formation of regional parliaments. The new party made active use of its social media presence, and its leaders were also quite successful in media debates. According to analysts, the party's success was helped by its well-chosen name, "New People," which coincided with the demand from some of the Russian citizens for a renewal of the political elite. As Alexei Nechaev noted in his election speeches, the Duma tribune would allow the *new* party to broadcast *new* ideas and propose *new* legislative projects for discussion.

The newly formed State Duma is to have representatives of five party factions. Another three parties that took part in the elections but failed to pass the 5% threshold will be represented in the government by only three single-mandate candidates. These are the Civic Platform, the Party of Growth, and Rodina. Finally, five seats in the State Duma will be occupied by non-partisan candidates.

¹⁹ "Unanimous majority. What was surprising about the results of the elections in the regions" [in Russian], *RIA Novosti*, accessed September 22, 2021, <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html>

The situation in the regions. In addition to the State Duma elections, 39 federal constituent entities of the Russian Federation held elections to regional representative bodies. It should be noted that despite its victories at this level, the United Russia party worsened its performance compared to the 2016 regional elections. The party lost some seats in regional parliaments in 30 regions in the Volga Federal District and in the Far East. The party also lost some seats in the regional parliaments of the Northwestern Federal District. But at the same time, the United Russia party managed to achieve better results in such regions as Jewish Autonomous Oblast, Adygea, Astrakhan Region, Altai Krai, Moscow Oblast, and the republics of the North Caucasus.

In the 2021 regional elections, the Liberal Democratic Party of Russia showed worse results. The party lost seats in 35 of 39 regional legislatures. The mandates lost by the United Russia party and the LDPR went mainly to the Communist Party of the Russian Federation, and partially to A Just Russia – Patriots and to the New People parties.²⁰

Still, the 2021 elections were not without accusations of attempts to exert political pressure on voters and to manipulate the results in certain districts and on polling stations by various political forces.

After the end of the voting procedure, many candidates "...accused the authorities of fraud through online voting, and there were only a few regions across the country where the United Russia party did not win." The CPRF leader Gennady Zyuganov said that what had happened in the elections was "unacceptable" and noted that before the counting of votes of the e-voting in Moscow [in single-mandate constituencies. – *E. M.*], six Communist candidates were leading but they lost to the United Russia candidates in the end.

According to the Central Election Commission (CEC), during the 2021 State Duma elections, 40 605 ballots from 157 polling stations in 43 regions were invalidated for various reasons. Voting results were annulled in 13 polling stations, namely in Crimea, Kalmykia, and St Petersburg. However, according to the CEC head Ella Pamfilova, it was an insignificant result that could not affect the quality of the election itself and did not influence the expression of the will of the Russian citizens. Pamfilova also pointed out 12 cases of ballot-box stuffing in eight regions. It happened in Adygea, Bryansk Oblast, Ivanovo Oblast, Kemerovo Oblast, Moscow Oblast, and Saratov Oblast. The heads of Precinct Election Commissions (PECs) in Adygea, Bryansk and Kemerovo oblasts, where ballot-box stuffing was detected, were immediately dismissed. In Stavropol Krai, the head of the Territorial Election

²⁰ "In what regions have United Russia and the LDPR ceded mandates to the Communists?" [in Russian], *RBK*, accessed September 22, 2021, <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6>

Commission (TEC) was dismissed following a violation at a polling station in Pyatigorsk.

A public scandal broke in St Petersburg a few days before the election day over the appearance of “look-alikes” of Boris Vishnevskii, a single-mandate candidate representing the Yabloko party. Two more candidates, also with the surname Vishnevskii and resembling the Yabloko representative even in appearance, appeared on the district’s candidate list. The scandal reached the Central Election Commission, and the Commission Chairperson Ella Pamfilova suggested that the “look-alike” candidates “pulled their conscience together and withdrew from the election.”²¹ Nevertheless, Boris Vishnevskii’s own complaint of “political fraud” was rejected by the Central Election Commission.

In addition, the CEC head Ella Pamfilova complained of “unprecedented” cyber-attacks registered during the voting process.²² They happened to be organized in the US, Germany, North Korea, Russia, China, and Ukraine. However, all these attempts were successfully prevented, and the voting process and results were not affected.

In the commentary of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the 2021 State Duma elections, it was stated that no violations that could affect the voting results were identified.²³

Conclusion

The 2021 State Duma elections let us suggest that the political system in the Russian Federation shows stability and sustainability. The election results largely confirmed the existing political balance of power in the country despite the emergence of a new party faction in the lower house of parliament.

The United Russia party kept its constitutional majority in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the 8th convocation. As a result of the 2021 election, it retained its position as the dominant type of party. This means that once again there will be no real opposition in the parliament and, consequently, the activity of the lower house of parliament will be quite predictable. It will continue to pass all the laws that will be sent to the Duma by the President and the government, without even discussing them during plenary sessions. However, one should not forget that the consideration of draft legislation with an opportunity to discuss it before enactment is still one of the ways to seek consensus among the political parties

²¹ “If there are any shreds of conscience: Pamfilova suggested that Vishnevskii’s doppelganger candidates withdraw from the elections” [in Russian], *Rosbalt*, September 06, 2021, accessed September 22, 2021, <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html>

²² “2021 election results. Main figures” [in Russian], *Kommersant*, September 20, 2021, accessed September 22, 2021, <https://www.kommersant.ru/doc/4996303>

²³ *Ibid.*

represented in the State Duma, and neglecting this opportunity, given the results of the 2021 election, could have a negative impact on the reputation of the dominant party.

The 2021 Russian legislative elections highlighted some changes in the overall political mood in Russian society. First, the United Russia party, while retaining its constitutional majority, still lost 19 seats in the parliament compared to the results of the 2016 election. But the voting outcome for this party could have been even worse if it had not conducted a very effective election campaign, using all its resources and new electoral technologies. The partial loss of seats in regional parliaments as a result of losing to other parties in five regions of the country should be considered by the ruling party as an alarming signal. It will also have to take into account the position of the Communist Party of the Russian Federation, reinforced by the votes of the electorate sympathetic to the opposition.

Now the 2021 Duma election is over. All parties that have received representation in the State Duma must begin to fulfill their promises made during the election campaigns. In this sense, the United Russia party bears the main responsibility, the responsibility for the adoption of such laws that would ensure the socio-economic development of the country and, accordingly, the growth of the welfare of the population.

Список литературы

Анохина Н.В., Брандэс М.Э. Роль СМК в избирательном процессе // Политическая наука. 2000. № 3: Выборы в посткоммунистических обществах: проблемно-тематический сборник. С. 137–151.

Богомолова Н.Н. Массовая коммуникация и общение. Москва: Знание, 1988. 78 с.

В каких регионах «Единая Россия» и ЛДПР уступили мандаты коммунистам? // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6/> (дата обращения: 23.09.2021).

Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. Санкт-Петербург: ИСЭП, 1995. 235 с.

Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4. С. 44–56.

Горшков М.К. Общественное мнение. Москва: Политиздат, 1988. 382 с.

Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85–114.

Единое большинство. Чем удивили результаты выборов в регионах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html/> (дата обращения: 21.09.2021).

Если есть остатки совести: Памфилова предложила кандидатам-двойникам Вишневого сняться с выборов // Росбалт. 2021. 06 сентября. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html> (дата обращения: 22.09.2021)

Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 19–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03>

Королько В.Г. Основы паблик рилейшнз. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер. 2000. URL: <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rilejshnz.24.html> (дата обращения: 28.09.2021.).

Кузнецова Е. Итоги выборов-2021: кандидаты «Умного голосования» проиграли, «дистанционка» всё поменяла, «ЕР» выиграла не везде // ТЖ. URL: <https://tjournal.ru/analysis/441843-itogi-vyborov-2021> (дата обращения: 22.09.2021).

Марков Е.А. Динамические процессы в электоральном поведении избирателей г. Череповца на выборах 2011–2018 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 19–27.

Потайнеко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. Киев: Наукова думка, 1970. 111 с.

Пушкарёва Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис. 2003. № 3. С. 120–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>

Результаты выборов 2021. Главные цифры // Коммерсант. 20 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (дата обращения: 23.09.2021).

Руткевич М.Н. Социология, власть, общественное мнение // Социально-политический журнал. 1993. № 7. С. 5–16.

Сафаров Р.А. Общественное мнение и государственное управление. Москва: Юридическая литература, 1975. 255 с.

Засурский Я.Н. и др. Система средств массовой информации России / под редакцией Я.Н. Засурского. Москва: Аспект Пресс: Издательство Московского университета, 2001. 259 с.

Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

Средства массовой информации постсоветской России / под редакцией Я.Н. Засурского. Москва: Аспект пресс, 2002. 301 с.

Элла Памфилова объявила предварительные результаты выборов депутатов Государственной Думы // ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563/> (дата обращения: 24.09.2021).

Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago: Chicago University Press, 1954. 395 p.

Downs A. An economic theory of democracy. New York : Harper and Brothers, 1957. 551 p.

Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. New Haven: Yale University Press, 1981, 249 p.

Krüger U. Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse. Köln : Herbert von Halem Verlag, 2013. 375 s.

Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments // party systems and voter alignments: cross-national perspectives / edited by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.

Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948 // Public Opinion Quarterly. 1948. Vol. 12, № 4 (Winter 1948–49). P. 788–840.

References

- Anokhina, N.V., and M.E. Brandes. “Rol' SMK v izbiratel'nom protsesse” [The role of mass media in the electoral process]. *Politicheskaya nauka*, no. 3 *Vybory v postkommunisticheskikh obshchestvakh: problemno-tematicheskii sbornik* [Elections in post-communist societies: a thematic collection] (2000): 137–51. (In Russian)
- Berelson B., P. Lazarsfeld, and W. McPhee. *Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign*. Chicago: Chicago University Press, 1954.
- Bogomolova, N.N. *Massovaya kommunikatsiya i obshchenie* [Mass communication and interaction]. Moscow: Znanie, 1988. (In Russian)
- Dean, J. Kommunizm ili neofeodalizm [Communism or Neo-Feudalism?]. *Logos*, vol. 29, no. 6 (2019): 85–114. (In Russian)
- Downs, A. *An economic theory of democracy*. New York: Harper and Brothers, 1957.
- “Ella Pamfilova ob'yavila predvaritel'nye rezul'taty vyborov deputatov Gosudarstvennoi Dumy” [Ella Pamfilova announced the preliminary results of the elections to the State Duma]. Central Election Commission of the Russian Federation. Accessed September 22, 2021. <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563/> (In Russian)
- “Esli est' ostatki sovesti: Pamfilova predlozhila kandidatam-dvoinikam Vishnevskogo snyat'sya s vyborov” [If there are any shreds of conscience: Pamfilova suggested that Vishnevskii's doppelganger candidates withdraw from the elections]. *Rosbalt*. September 06, 2021. Accessed September 22, 2021. <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html> (In Russian)
- “Edinoe bol'shinstvo. Chem udivili rezul'taty vyborov v regionakh” [Unanimous majority. What was surprising about the results of the elections in the regions]. *RIA Novosti*. Accessed September 22, 2021. <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html> (In Russian)
- Fiorina, M. *Retrospective voting in American national elections*. New Haven: Yale University Press, 1981.
- Gavra, D.P. *Obshchestvennoe mnenie kak sotsiologicheskaya kategoriya i sotsial'nyi institut* [Public opinion as a sociological category and social institute]. St Petersburg: ISEP, 1995. (In Russian)
- Golosov, G.V. “Povedenie izbiratelei v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nykh vyborov” [Voting behavior in Russia: theoretical perspectives and results of regional elections]. *Polis*, no. 4 (1997): 44–56. (In Russian)
- Gorshkov, M.K. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow: Politizdat, 1988. (In Russian)
- Korol'ko, V.G. *Osnovy pablik rleishnz* [Basics of public relations]. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler, 2000. Accessed September 28, 2021. <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rlejshnz.24.html>. (In Russian)
- Krüger, U. *Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse*. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013.
- Kuznetsova, E. “Itogi vyborov–2021: kandidaty ‘Umnogo golosovaniya’ proigrali, ‘distantionka’ vse pomenyala, ‘ER’ vyigrala ne vezde” [Results of 2021 elections: ‘smart voting’ candidates lost; the ‘remote voting’ changed everything; United Russia did not win everywhere]. *TJ*. Accessed September 22, 2021. <https://tjournal.ru/analysis/441843-itogi-vyborov-2021> (In Russian)

Lipset, S.M., and S. Rokkan. "Cleavage structures, party systems and voter alignments." In *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*, edited by S.M. Lipset and S. Rokkan, 1–64. New York: Free Press, 1967.

Markov, E.A. "Dinamicheskie protsessy v elektoral'nom povedenii izbiratelei g. Cherepovtsa na vyborah 2011–2018 gg." [Dynamic processes in the electoral behavior of Cherepovets's voters in the elections in 2011–2018]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 11 (76) (2019): 19–27. (In Russian)

Potaipenko, D.A. *Pravosoznanie kak osoboe obshchestvennoe yavlenie* [Legal consciousness as a special public phenomenon]. Kiev: Naukova dumka, 1970. (In Russian)

Pushkareva, G.V. "Izuchenie elektoral'nogo povedeniya: kontury kognitivnoi modeli" [Study of electoral behavior: the contours of the cognitive model]. *Polis*, no. 3 (2003): 120–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12> (In Russian)

"Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948." *Public Opinion Quarterly*, vol. 12, no. 4 (Winter 1948–49): 788–840.

"Rezultaty vyborov 2021. Glavnye tsifry" [2021 election results. Main figures]. *Kommersant*, September 20, 2021. Accessed September 22, 2021. <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (In Russian)

Rutkevich, M.N. "Sotsiologiya, vlast', obshchestvennoe mnenie" [Sociology, power, public opinion]. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, no. 7 (1993): 5–16. (In Russian)

Safarov, R.A. *Obshchestvennoe mnenie i gosudarstvennoe upravlenie* [Public opinion and public administration]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. (In Russian)

Solov'ev, A.I. "Politicheskaya kommunikatsiya: k probleme teoreticheskoi identifikatsii" [Political communication: on the problem of theoretical identification]. *Polis*, no. 3 (2002): 5–18. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02> (In Russian)

"V kakikh regionakh 'Edinaya Rossiya' i LDPR ustupili mandaty kommunistam?" [In what regions have United Russia and the LDPR ceded mandates to the Communists?]. *RBK*. Accessed September 22, 2021. <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6> (In Russian)

Zasurskii, Ya.N., ed. *Sistema sredstv massovoi informatsii Rossii* [The system of Russia's mass media]. Moscow: Aspekt Press: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. (In Russian)

Zasurskii, Ya.N., ed. *Sredstva massovoi informatsii postsovetsoi Rossii* [Mass media of post-Soviet Russia]. Moscow: Aspekt press, 2002. (In Russian)

Zavershinskii, K.F. "Kognitivnye osnovaniya politicheskoi kul'tury: opyt metodologicheskoi refleksii" [Cognitive foundations of political culture: an experience of methodological reflection]. *Polis*, no. 3 (2002): 19–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03> (In Russian)

Евгений Алфеевич Марков – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций и медиа; <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>, marevgeny@inbox.ru, Череповецкий государственный университет (162600 Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5)

Evgenii A. Markov – Doctor of Political Science, Associate Professor; marevgeny@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>, Professor of the Department of Social Communications and Media, School of Humanities, Cherepovets State University (d. 5, Pr-t Lunacharskogo, g. Cherepovets, Vologodskaya obl., Russia, 162600)

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.